

КАТЕГОРИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И СОМАТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА

*Работа представлена лабораторией по изучению и сохранению языков обско-угорских народов
Института языка, истории и культуры народов Югры
Югорского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник А. А. Буркин

В статье рассматриваются особенности употребления соматической лексики хантыйского языка (названия частей тела) при ее оформлении притяжательными суффиксами. Автор отмечает, что категория принадлежности в соматической лексике хантыйского языка используется весьма широко, что, по его мнению, связано с выражением отношений определенности-неопределенности, а категория принадлежности сочетает в себе выражение ее собственных функций и функций артикля.

The article deals with the features of use of the somatic lexicon (names of parts of a body) in the Khanty language in case of their formation with possessive suffixes. The author marks that the category of belonging in the somatic lexicon of the Khanty language is used rather widely. To the author's opinion, it is connected with the expression of relations of definiteness-indefiniteness and the category of belonging combines the expression of its own functions and the functions of an article.

Наиболее древней прафинно-угорской грамматической категорией является категория принадлежности, выражающая притяжательные отношений с помощью специальных формантов. Как считается большинством исследователей, лично-притяжательные суффиксы восходят к соответствующим личным местоимениям, употребленным в функции притяжательных местоимений и располагавшимся в постпозиции по отношению к определяемому ими существительному.

По своим функциям прафинно-угорские лично-притяжательные суффиксы в общем соответствуют притяжательным суффиксам алтайских языков (тюркских и тунгусо-маньчжурских), а также притяжательным местоимениям индоевропейских языков. Но если сравнить употребление этих грамматических средств в указанных двух группах языков, обнаруживается, что в финно-угорских языках лично-притяжательные суффиксы используются значительно шире, чем, например, русские, не-

мецкие, английские притяжательные местоимения¹, хотя, как известно, степень употребительности и грамматические нормы употребления притяжательных местоимений в русском языке и в английском или французском языках неодинаковы, несмотря на структурную идентичность выражения посессивных отношений.

Соматические слова хантыйского языка, обозначающие части тела человека и животных, как правило, употребляются с посессивными суффиксами, поскольку они выражают отношения нерасторжимой принадлежности (предмет обладания представлен именем, относящимся к классу слов, обозначающих неотделимую от владельца принадлежность), например, человека (или животного) – частью его тела. Можно даже сказать, что, как и некоторые другие лексические единицы (например, термины родства), эти слова, по существу, не употребляются без притяжательных суффиксов.

Приведем некоторые примеры:

тег. *кўрн л=ам йош hml=ам потсайһтн*
'руки-ноги=мои замерзли'

(букв.: две=мои ноги, две=мои руки замерзли) или в форме единственного числа: *кур=ем йош=ем потса* 'рука=моя, нога=моя замерзла'; *сам=ем каши* 'сердце=мое болит', *ух=ен каши* 'голова=твоя болит'².

Использование лично-притяжательных суффиксов наблюдается и в других родственных хантыйскому финно-угорских языках. Сравните венгерское: *az asszony* *арса* 'лицо женщины', *a vereb csxge* 'клев воробья'³, где =а и =е лично-притяжательные суффиксы 3-го лица единственного числа, изменяющие свой внешний облик в соответствии с употреблением закона гармонии гласных. Ср.:

тег. *венш сух=мл мормһ* 'кожа=его лица морщинистая',

шур. *кур=ем кавртм шай икна питса*, *понп л нх лһнтмс* 'Мне на ногу горячий чай попал (букв.: ногу=мою горячим чаем попало), кожа вздулась'⁴.

Лично-притяжательные суффиксы при именах, обозначающих части тела челове-

ка, как и в большинстве финно-угорских и самодийских языков, в хантыйском языке употребляются значительно чаще, чем соответствующие им русские притяжательные местоимения при именах такого же характера.

Ср.:

Trj. *lulem kimne je\ne LeLLem* 'ich stehe bis zum Mund im Wasser'⁵ – я стою в воде по рот (букв.: вода достигает рта).

Когда говорят по-русски, то принадлежность слова, обозначающего сомоним, грамматическому лицу никак не конкретизируется. Приведенное выше хантыйское предложение можно правильно построить только с использованием посессивного суффикса. Без использования посессивной морфемы при сомониме составленное предложение не будет по-хантыйски грамматически правильным, а по смыслу оно будет непонятно слушающему и непременно потребует вопроса, о чьем рте идет в данном конкретном случае речь.

Еще примеры:

вах. *Даша, кулһт мвнт йһкб тблвлл. Мвнт кгр=вмех китлб!* 'Даша, меня рыба в воду тащит. Держи меня за ноги' (букв.: меня за ногу=мою держи)⁶;

вах. *јқһт сивл=плеқ китли, јгри пвни јһкб пслпмти* 'люди его за шею=его схватили, связали и в воду опустили'⁷.

сивлплег – буквально: за шею=его, от *сбвлл* – шея, =1 посессивный суффикс 3-го лица единственного числа, =ег суффикс отложительно-продольного падежа, обозначающий точку приложения силы. В приведенном случае хантыйское предложение переводится на русский язык с плеонастическим употреблением лично-притяжательных формантов: *люди его за его шею схватили...*

В хантыйском языке нет категории артикля, которая имеется в западноевропейских языках, в том числе и в близкородственном хантыйскому – венгерском языке. В венгерском языке перед словами, обозначающими определенные предметы или лица, ставится *определенный артикль*. Не-

пределенность предмета или лица употребления требует неопределенного артикля или его опущения. Определенный артикль по происхождению является безударно произносимым указательным местоимением аз 'тот' или ез 'этот'. Он употребляется в том случае, если перед существительным указательное местоимение аз 'тот' или ез 'этот' подразумевается. Например, аз ember 'человек (известный тот)'.

Неопределенный артикль по происхождению является безударно произносимым числительным егу 'один' и материально совпадает с ним: егу ember 'какой-то человек, т. е. впервые упоминаемый в данном контексте (неизвестный)'⁸.

Как и в венгерском языке или в других западноевропейских языках, посессивный суффикс 3-го лица единственного числа в хантыйском языке может употребляться в качестве своеобразного определенного артикля, ср: каз. Овтн амп ух стмс. Лув ух=мл вурты вос 'В двери появилась собачья голова. Ее голова=ее оказалась рыжая'⁹. При вторичном употреблении слова ух 'голова' к нему прибавлен посессивный суффикс третьего лица =л, имеющий значение определенного артикля.

Другие примеры: каз. тунты эвалт ай тахты мснмтс, щив йувтрммслэ, нюлmlа ющмллтмлэ 'из бересты он небольшой кусок вырвал, свернул [трубкой], к носу (букв.: к носу=его) приставил его'; щалта ухсл иш-нийа луксммслэ па йэл увтмс 'затем голову (букв.: он голову=свою) в окно просунул и дальше закричал'. В представленном примере обязательно грамматически конкретизируется принадлежность головы своему обладателю. В русском и других европейских языках такая конкретизация не требуется, принадлежность сомони́ма определенному лицу подразумевается, как и то, что у каждого человека обязательно предполагается наличие головы.

Таким образом, в хантыйском, как и в других финно-угорских языках, посессивные суффиксы используются подобно своеобразному артиклю и употребляются для

обозначения определенности предмета, в особенности частей тела человека и животных – сомони́ма.

Корни данного употребления уходят в прауральскую эпоху. Возникновение этого явления учеными объясняется исходной материальной общностью личных и указательных местоимений, а указательные местоимения в языках разных систем часто приобретают функции артикля¹⁰.

В функции артикля в волжско-финских, пермских и обско-угорских языках используются и лично-притяжательные форманты 2-го лица. Рассмотрим примеры: м. numi sorNi ASik;n 'сиятельный-золотой отец' (букв.: отец=твой); х. хат/n-ki et;/ 'если солнце=твое взойдет';

тег. ух=тн каштн хуйата мостл, вах. ух=тн kbznh ктсыйа масвл 'голова=твоя каждому человеку нужна';

вах. семлl=bn кмсыйа виллb ызтн'вскпн 'глаза=твои человеку будто окна для дома';

тег. вур=тн Ылтн ута эстм йиhk няврэма иты мостл 'кровь=твоя для любой живой твари как молоко матери для ребенка', вах. тим-том lnlh ота ngh впр=bn виллb пнк=ин месйпнк велбйб 'разная живая вещь твоя кровь=твоя будто матери=твоей молоко ребенку'.

Посессивные суффиксы встречаются практически во всех контекстах, где в хантыйском языке употребляется соматическая лексика в прямых или даже переносных значениях. Как можно думать, они являются в хантыйском языке и типологически близких к нему языках (большинство уральских языков, тюркские, тунгусо-маньчжурские языки) одним из средств выражения категории определенности-неопределенности и служат средством маркировки значения определенности у обладаемого.

Можно полагать, что функционально-семантическая категория посессивности, материальным проявлением которой в хантыйском языке является морфологическая категория принадлежности, имеет значительно большую лексико-грамматическую

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

значимость, нежели в большинстве индоевропейских языков, а сама морфологическая категория принадлежности является обязательной для каких-то определенных групп лексики (соматическая лексика, термины родства, названия частей предметов и т. п.), но оказывается факультативной для других предметов, например, для названий жилищ, строений, орудий промысла; и, наконец, для некоторых групп лексики – например, для географических терминов, на-

званий растений и животных и т. п. – эта категория, по существу, не так актуальна.

Сокращенные обозначения диалектов и говоров хантыйского языка:

Каз. – казымский диалект.

Тег. – тегинский говор казымского диалекта.

Тгј. – тромьюганский говор сургутского диалекта.

Вах. – ваховский диалект.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. С. 267.

² Картотека Научного языкового центра Югорского государственного университета (НЯЦ ЮГУ). Ханты-Мансийск, 2002–2004.

³ *Колтакова Н. Н.* Посессивность в венгерском языке (в сопоставительном освещении). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1988. С. 6.

⁴ Картотека НЯЦ ЮГУ.

⁵ *Steinitz W.* Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Berlin, 1966–1993. S. 753.

⁶ Букварь для 1 класса хантыйских школ (ваховский диалект) / Н. И. Терешкин, Р. Ф. Меркулова, Т. Ф. Каткалева. СПб.: Просвещение, 1999.

⁷ *Терешкин Н. И.* Очерки диалектов хантыйского языка. Часть первая: Ваховский диалект. М.; Л., 1961. С. 55.

⁸ *Сий Энико.* Курс венгерского языка. Будапешт: Танкеньвиадо, 1979. С. 38.

⁹ Картотека НЯЦ ЮГУ.

¹⁰ Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. С. 271.